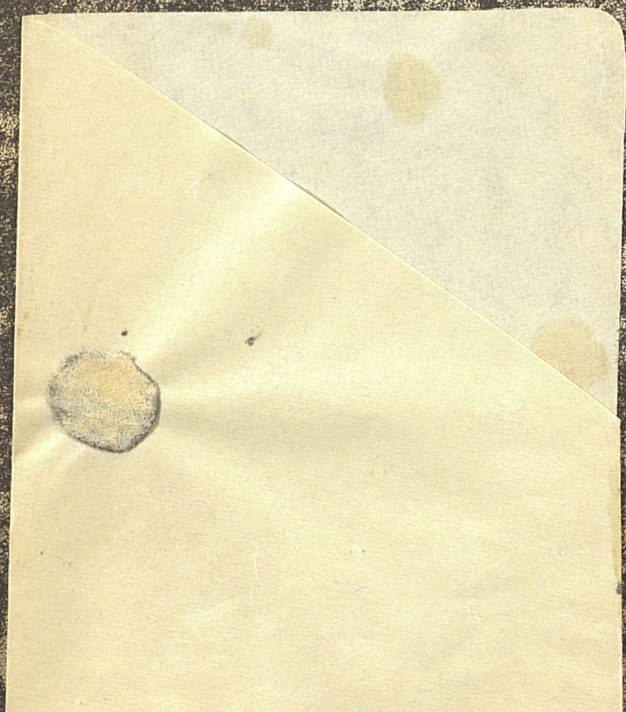

M $\frac{24}{686}$

Н. ГОГОЛЬ

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

В І Й.

МОСКВА.

Н. Гоголь.

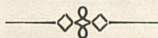
В І Й.

1522-0

24
686 Н. ГОГОЛЬ.

В І Й.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.

1887.

Н. Г. Толоцк.

В. И. Н.

Доволено цензурою. Москва, 18-го ноября 1886 года.

2007085181

В І Й *)

акъ только ударялъ въ Кіевъ по утру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, съ тетрадами подъ мышкой, брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классъ, доставлялъ своему патрону порядочныя пали **) въ обѣ руки, а иногда и

*) Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и рассказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

**) Удары линейкой.

вишневая розга. Риторы шли солиднѣе; платья у нихъ были часто совершенно цѣлы, но за то на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе, въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было: запасовъ они не дѣлали никакихъ, и все, что попадалось, съѣдали тогда же; отъ нихъ слышалась трубка и горѣлка, иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ.

Рынокъ въ это время обыкновенно только-что начиналъ шевелиться, и торговли, съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками, дергали наподхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна или какой-нибудь бумажной матеріи.

— Паничѣ, паничѣ! сюды, сюды! говорили онѣ со всѣхъ сторонъ: — ось бублики, маковникѣ, вѣртычки, буханцѣ хороши! ей Богу, хорѣши! на меду! сама пекла!

Другая, поднявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала: — Ось сосулька! паничѣ, купите сосульку!

— Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная: и носъ нехорошій, и руки нечистыя...

Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу, и притомъ цѣлою горстью.

По приходѣ въ семинарію, вся толпа размѣщалась по класамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно

однакоже просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями; аудиторы выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать по крайней мѣрѣ философіи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали: *бу, бу, бу, бу...* Аудиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка, или вареникъ, или сѣмена изъ тыквы.

Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессеры будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензоры, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходитъ битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались риторы, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала философія съ черными, длинными усами, а наконецъ и богословія въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословіе побивало всѣхъ, и философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ и участвовавшій

когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣлъ розгами по пальцамъ риторикѣ, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословія, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороху*, что состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ *).

Въ торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами. Иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало-чѣмъ ниже кievской колокольни, представившій Иродіаду или Пентефрію, супругу египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна, или мѣшокъ проса, или половину варенаго гуся, и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ, какъ семинарія, такъ и бурса, которая питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію, и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за ужиномъ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло, и потому dobroхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенатъ, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и раторовъ, подъ предводительствомъ одного философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать чужіе огороды — и въ бурсѣ появлялась

*) Ногайка, кнуть.

каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день аудиторы слышали отъ нихъ, вмѣсто одного, два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія-то длинныя подобія сертуковъ, простиравшихся *по сіе время*: слово техническое, означавшее — далѣе пятокъ.

Самое торжественное для семинаріи событіе было — вакаціи: время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣивали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись *на кондиціи*, то-есть брались учить или готовить дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сертукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ таборомъ, варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно когда была грязь. Тогда они, засучивъ шаровары по колѣна, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: «Жинко! то, что поють школяры, должно быть очень разумное; вы-

неси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть». И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ; порядочный кусокъ сала, нѣсколько паланицъ*), а иногда и связанная курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе однакоже шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по домамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три бурсака своротили съ большой дороги въ сторону, съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запасти провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ.

Богословъ былъ рослый, плечистый мужчина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянъ, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ.

Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку**); если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго хороху*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать.

Риторъ Тиберій Горобецъ еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлку и курить люльку. Онъ

*) Небольшой хлѣбъ, лепешка.

**) Трубку.

носилъ только оселедецъ*), и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только-что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобецъ сбивалъ палкою головки съ будяковъ**), росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ. Отлогости и небольшія горы, зеленые и круглые, какъ куполы, иногда перемежали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвающимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

— Чтѣ за чортъ! сказалъ философъ Хома Брутъ; — сдавалось совершенно, какъ будто сейчасъ будетъ хуторъ!

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

*) Длинная прядь волосъ.

**) Чертополохъ.

— Ей Богу! сказалъ опять, остановившись, философъ, — ни чортова кулака не видно!

— А можетъ-быть далѣе и попадется какой-нибудь хуторъ, сказалъ богословъ, не выпуская люльки.

Но между тѣмъ уже была ночь, ночь довольно темная; небольшія тучи усилили мрачность и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ наконецъ отрывисто: — А гдѣ же дорога?

Богословъ помолчалъ и, надумавшись, примолвилъ: — Да, ночь темная.

Риторъ отошелъ въ сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ.

Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только послышалось слабое стenanіе, похожее на волчій вой.

— Вишь! что тутъ дѣлать? сказалъ философъ.

— А что, оставаться и заночевать въ полѣ! сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философъ не могъ согласиться на это: онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полупудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество; притомъ, не смотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

— Нѣтъ, Халява, не можно, сказалъ онъ. — Какъ

же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь, какъ собака? Попробуемъ еще; можетъ быть, набредемъ на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь.

При словѣ *юртка*, богословъ сплюнулъ на сторону и примолвилъ: — Оно конечно, въ полѣ оставаться нечего.

Бурсаки пошли впередъ и, къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и, немного пройдя, увидѣли огонекъ.

— Хуторъ! ей Богу, хуторъ! сказалъ философъ.

Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли точно небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревъ торчалъ подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя досчатые ворота, бурсаки увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

— Смотрите же, братцы, не отставать! во что бы то ни было, а добыть ночлега.

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь въ одной хатѣ закрипѣла, и, минутою спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ.

— Кто тамъ? закричала она, глухо кашляя.

— Пусти, бабуся, переночевать; сбились съ дороги; такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.

— А что вы за народъ?

— Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ и риторъ Горобецъ.

— Не можно, проворчала старуха: — у меня народу полонъ дворъ, и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? да еще все какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ философовъ и богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли, пошли! тутъ вамъ нѣтъ мѣста.

— Умилосердись, бабуся! какъ же можно, чтобы христіанскія души пропали ни за что, ни про что? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь, какъ-нибудь того, или какое другое что едимъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ — вотъ что!

Старуха, казалось, немного смягчилась. — Хорошо, сказала она, какъ бы размышляя, — я введу васъ, только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ: а то у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ.

— На то твоя воля; не будемъ прекословить, отвѣчали бурсаки.

Ворота заскрипѣли, и они вошли во дворъ.

— А что, бабуся, сказалъ философъ, идя за старухой, — если бы такъ, какъ говорятъ... ей Богу, въ животѣ какъ будто кто колесами сталъ ѣздить! съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту.

— Вишь чего захотѣлъ! сказала старуха: — нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это, продолжалъ философъ, — расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ — чистоганомъ. «Да!» продолжалъ онъ тихо, «чорта съ два получишь ты что-нибудь».

— Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ,

что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибритъ съ воза цѣлаго карася, и такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и, позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася.

Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую комору, философу отвела тоже пустой овечій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетенныя стѣны хлѣва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другого хлѣва любопытную свинью и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ.

— А что, бабуся? чего тебѣ нужно? сказалъ философъ.

Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

— «Эге, ге!» подумалъ философъ. «Только нѣтъ, голубушка, устарѣла!»

Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

— Слушай, бабуся! сказалъ философъ: — теперь

постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться...

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо, когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. — Бабуся! что ты? ступай, ступай себѣ съ Богомъ! закричалъ онъ.

Но старуха не говорила ни слова и схватила его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ, вперила въ него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ припод-

няться, ноги не двигались, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слы-

шалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и

онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣна, желая удержать ноги; но онъ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ, и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ себѣ: «Эге, да это вѣдьма!»

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Лѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хотъ бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непонятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога — выпуклая, упругая,

вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему — и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣніемъ, вторгавшимся въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось; и вотъ она опрокинулась на спинку — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, не покрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода, въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, осыпала ихъ; она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ...

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? Наяву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ или музыка? звенить, звенить и вѣтса, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелью...

«Что это?» думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ. Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе. Ему часто казалось, какъ будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы. Онъ перебиралъ всѣ заклія противъ духовъ, и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнливѣе; вѣдьма какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его; густая трава касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

«Хорошо же!» подумалъ про себя философъ Хома, и началъ почти вслухъ произносить заклія. Наконецъ, съ быстротою молніи, выпрыгнулъ изъ-подъ

старухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Старуха мелкимъ, дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ свѣтѣ; долины были гладки; но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на до-

рогъ полѣно и началъ имъ изъ всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающіе, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха? «Охъ, не могу больше!» произнесла она въ изнеможеніи и упала на землю,

Онъ сталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи; разсвѣтъ загорался, и блестѣли золотыя главы вдали кievскихъ церквей. Передъ нимъ лежала красавица, съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя, нагія руки, и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое-то странное волненіе и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ. Онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе итти на хутора, и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи.

Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ; всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондичіи, или, просто, безъ всякихъ кондичій, потому что по хуторамъ мало-россійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая, разѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни шарилъ во всѣхъ углахъ, и даже ощупалъ всѣ дыры и западни въ крышѣ, но нигдѣ не отыскалъ ни куска сала, или, по крайней мѣрѣ, стараго кнisha*), чтò, по обыкновенію, запрятываемо было бурсаками.

Однакоже философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса, — и былъ въ тотъ

*) Лепешка.

же день накормленъ пшеничными варениками, курицею... и словомъ — перечесть нельзя, что у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ, глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ корчмѣ. Онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка; онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки, вся избитая, едва имѣвшая силы добрести до отцовскаго дома, находится при смерти и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы, въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти, читалъ одинъ изъ кіевскихъ семинаристовъ, Хома Брутъ. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Самъ не зная почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

— Послушай, domine Хома! сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо

съ своими подчиненными), — тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить.

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшего приказанія своему ключнику и еще кому-то, вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

— Благодарю пана за крупу и яйца, говорилъ ректоръ, — и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришло: я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша и дорога. А ты, Явтухъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки; да философа привязать, а не то — какъ разъ удереть.

«Вишь, чортовъ сынъ!» подумалъ про себя философъ, — «пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!»

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была такъ же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный краковскій экипажъ, въ какомъ жида полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами во всѣ

города, гдѣ только слышать ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человекъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна, съ кистями, показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владельцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

«Что жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать!» подумалъ про себя философъ и, обратившись къ казакамъ, произнесъ громко: — Здравствуйте, братья-товарищи!

— Будь здоровъ, панъ философъ! отвѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

— Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная! продолжалъ онъ, влѣзая. — Тутъ бы только нанять музыкантовъ, то и танцевать можно.

— Да, соразмѣрный экипажъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ, садясь на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закускою, сдѣланною въ городѣ.

— Любопытно бы знать, сказалъ философъ, — если бы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ солью или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?

— Да, сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ казакъ, — достаточное бы число потребовалось коней.

Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта, казакъ почиталъ себя въ правѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятель-

нѣе, кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ. Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но казаки, вѣрно, были тоже философы, потому что въ отвѣтъ на это молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ.

Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ:— Смотри, Оверко, ты, старый разиня, какъ будешь подѣзжать къ шинку, что на Чухрайловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.

Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ, эти наставленія были совершенно напрасны, потому что, едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на Чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: «стой!» Притомъ лошади Оверка были такъ уже приучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ.

Несмотря на жаркій іюльскій день всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую, запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго Талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались передъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ малороссіяне, когда подгуляютъ, непременно начнутъ цѣловаться или плакать, то скоро вся изба

наполнилась лобызаніями. «А ну, Спиридь, почеломкаемся!» — «Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!»

Одинъ казакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, что онъ остался однимъ одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря: «Не плачь, ей Богу, не плачь! что жъ тутъ... ужъ Богъ знаетъ, какъ и чтò такое». Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его: — Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, чтò и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?

— Не спрашивай! говорилъ протяжно резонеръ: — пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, я хочу знать, говорилъ Дорошъ, — что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ; можетъ быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка.

— О Боже мой, Боже мой! говорилъ этотъ почтенный наставникъ, — и на чтò такое говорить? такъ уже воля Божія положила: уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.

— Я хочу знать все, что ни написано; я пойду въ бурсу, ей Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь? Всему выучусь, всему!

— О Боже жъ мой, Боже мой!... говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе казаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала

обратился къ сѣдовласому казаку, грустившему объ отцѣ и матери: — Что жъ ты, дядько, расплакался? сказалъ онъ: — я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! на что я вамъ?

— Пустимъ его на волю? отозвались нѣкоторые: вѣдь онъ сирота; пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— О Боже-жъ мой! Боже мой! произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову, — отпустите его! пусть идетъ себѣ!

И казаки уже хотѣли сами вывести его въ чистое поле; но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: — Не трогайте: я хочу съ нимъ поговорить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу...

Впрочемъ, врядъ ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ-будто деревянными, и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправиться далѣе въ дорогу. Взмоштившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ дороги, выученной наизусть, они наконецъ спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ, или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ; ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они вѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, во дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были

замѣтны крытые соломой сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ посрединѣ противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Брига остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая, и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ однакоже нѣсколько осмотрѣть снаружи панскія хоромы; но, какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ни что не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали впопыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугъ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое, небольшое строеніе, какія обыкновенно строились встарину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломой; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый кверху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и желтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шестигранныхъ, съ вычурною обточкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко, съ скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, индѣ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояло среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами,

къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другого, крытые также соломой; треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями: на одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: *Все вытѣю!* на другой фляжка, сулей и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоящая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: *Вино — казацкая потѣха*. Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора. При взглядѣ на нее снизу, она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпергая у корня небольшими колыями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемыя вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога, и, опустившись, шла мимо двора въ селеніе. Когда философъ измѣрилъ страшную круть ея и

вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмельномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримой брикой и багажемъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину: необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія, и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть замѣтною вдали полосой горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ.

— Эхъ, славное мѣсто! сказалъ философъ: — вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и прудахъ, охотиться съ тенетами или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнепами; впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно засушить и продать въ городъ множество, или, еще лучше, выкурить изъ нихъ водку, потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнникомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда.

Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатъ, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку.

Позади его стоялъ тотъ самый старый казакъ, который вчера такъ горько соболевствовалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

— Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улепетнуть изъ хутора! говорилъ онъ; — тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи, а ступай лучше къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.

— Пойдемъ! что жъ... я съ удовольствіемъ, сказалъ философъ, и отправился вслѣдъ за казакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и казакъ почтительно остановились у дверей.

— Кто ты и откуда, и какого званія, добрый человекъ? сказалъ сотникъ ни ласково, ни сурово.

— Изъ бурсаковъ, философъ, Хома Брутъ...

— А кто былъ твой отецъ?

— Не знаю, вельможный панъ.

— А мать твоя?

— И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать, но кто она и откуда, и когда жила, ей Богу, добродію, не знаю.

Старикъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

— Какъ же ты познакомился съ моею дочерью?

— Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго!

— Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?

Философъ пожалъ плечами: — Богъ его знаетъ, какъ это растолковать! Извѣстное уже дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: *«Скажи, враже, якъ панъ каже»*.

— Да не врешь ли ты, панъ философъ?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу!

— Если бы только минуточкой долѣе прожила ты, грустно сказалъ сотникъ, — то, вѣрно бы, я узналъ все. «Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ Кіевскую семинарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три noci молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ...» А что такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно извѣстенъ святою жизнью своею и богоугодными дѣлами, и она, можетъ быть, наслышалась о тебѣ.

— Кто? я! сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія, — я святой жизни? произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику: — Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите! да я, — хоть оно непристойно сказать, — ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстного четверга.

— Ну... вѣрно, уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.

— Я бы сказалъ на это вашей милости... оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный святому Писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона, или по крайней мѣрѣ дьячка. Они народъ толковый и знаютъ, какъ

все это уже дѣлается; а я... да у меня и голосъ не такой, и самъ я чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.

— Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня!

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

— Ступай за мною! сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморгаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ чрезъ порогъ.

Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей, на одѣялѣ изъ синяго бархата, убранномъ золотою бахрамою и кистями. Высокія восковые свѣчи, увитыя калиною, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи, свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ:

«Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горестъ мнѣ, оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бъ я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріят-

ное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если только онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на сѣдненіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей-моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ!...»

Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горестъ, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалью; онъ закашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ наломъ, на которомъ лежали книги.

«Три ночи какъ-нибудь отработаю», подумалъ философъ; «зато панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами».

Онъ приблизился и, еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую, и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая; чело прекрасное,

нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами; а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста — рубины, готовые усмѣхнуться... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровью къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно-знакомое показалось въ лицѣ ея. «Вѣдьма!» вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ!

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное, какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ, съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посерединѣ, противъ самага алтаря. Старый сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ несшіе гробъ начали прикла-

дывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлають малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была чѣмъ-то похожимъ на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ томъ числѣ и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костями и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ — однимъ словомъ, гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ отъ чужихъ собакъ, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ, въ которыхъ между малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ уселся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ, на вольномъ воздухѣ, передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась

изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку; иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

— Правда ли, сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговли, — правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?

— Кто, панночка? сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу, — да она была цѣлая вѣдьма! я присягну, что вѣдьма!

— Полно, полно, Дорошъ, сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать: — это не наше дѣло; Богъ съ ней! нечего объ этомъ толковать. — Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только-что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безумолку.

— Чтò ты хочешь? Чтобы я молчалъ? сказалъ онъ: — да она на мнѣ самомъ ѣздила! ей Богу, ѣздила!

— А что, дядько? сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами, — можно ли узнать по какимъ-нибудь приметамъ вѣдьму?

— Нельзя, отвѣчалъ Дорошъ, — никакъ не узнаешь; хоть всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь.

— Можно, можно, Дорошъ, не говори этого, произнесъ прежній утѣшитель: — уже Богъ не даромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.

— Когда старая баба, то и вѣдьма, сказалъ хладнокровно сѣдой казакъ.

— О, ужъ хороши и вы! подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очищенный горшокъ: — настоящіе толстые кабаны!

Старый казакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ будто бы два быка, ставши одинъ противъ другого, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятель-

нѣе про умершую сотникову дочь, и потому, желая опять навести его на прежнюю матерію, онъ обратился къ сосѣду своему съ такими словами: — Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло, или извела кого-нибудь?

— Бывало всякаго, отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

— А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того...

— А что жъ такое псарь Микита? сказалъ философъ.

— Стой! я расскажу про псаря Микиту, сказалъ Дорошъ.

— Я расскажу про псаря Микиту, отвѣчалъ табунщикъ, — потому что онъ былъ мой кумъ.

— Я расскажу про Микиту, сказалъ Спиридь.

— Пускай, пускай Спиридь расскажетъ! закричала толпа.

Спиридь началъ: — Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты. Эхъ, какой рѣдкій былъ человекъ! Собаку каждую онъ бывало такъ знаетъ, какъ родного отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится, хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, но онъ противъ него — дрянъ, помой.

— Ты хорошо рассказываешь, хорошо! сказалъ Дорошъ одобрительно кивнувъ головою.

Спиридь продолжалъ: — Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало, свистнетъ: «а ну, Разбой! а ну, Быстрая!» а самъ на конѣ во всю прыть, — и уже рассказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его.

Сивухи кварту свистнетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепался ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человекъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что, фу! непристойно сказать.

— Хорошо, сказалъ Дорошъ.

— Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ. Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни-вѣсть что дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. Дай, говоритъ, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти!

Когда Спиридъ окончилъ рассказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псара.

— А про Шепчиху ты не слышалъ? сказалъ, Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

— Нѣтъ.

— Эге-ге-ге! Такъ у васъ въ бурсѣ, видно, не

слишкомъ большому разуму учать. Ну, слушай. У насъ есть на селѣ казакъ Шептунъ, хорошій казакъ. Онъ любитъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды, но... хорошій казакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь, съли вечерять Шептунъ съ жинкою; окончивши вечерю, легли спать, и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...

— И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха! подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: — Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то не хорошо будетъ.

Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: — А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужескаго или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги. Она испугалась, ибо бабы — такой глупый народъ, что высунь ей подъ вѣчеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однакожъ думаетъ: «Дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть!» и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да при томъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала, — это бы еще ничего; но вотъ вещь

и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: «Охъ, лишечко!» да изъ хаты. Только видить, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ; сидить и дрожить глупая баба; а потомъ видить, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и оболъщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма.

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма, въ видѣ скирды сѣна, пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другого украла шапку или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣскольку ведеръ крови.

Наконецъ, вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезчуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

— А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора итти къ покойницѣ, сказалъ сѣдой казакъ, обратившись къ философу, и всѣ четверо, въ томъ числѣ и Спиридь и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки.

Философъ, несмотря на то, что успѣлъ подкрѣ-

пить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Разказы и странныя исторіи, слышанные имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть: мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили наконецъ за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три казака вошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже осмотрѣлся. По срединѣ стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились передъ темными образами; свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла однѣми только искрами: позолота въ одномъ мѣстѣ отпала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся. «Что жъ?» сказалъ онъ, «чего тутъ бояться? Человѣкъ прійти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы, такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. Ничего!» повторилъ онъ, махнувъ рукою, «будемъ читать». Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ

свѣчей. «Это хорошо», подумалъ философъ; «нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ, жаль, что во храмъ Божіемъ не можно люльки выкурить!»

И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, наоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ ни мало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе, и мрачныя образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотою. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостью посмотрѣлъ въ лицо умершей — и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ: такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но, по странному любопытству, по странному попереживающему себѣ чувству, не оставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было туслаго, мутнаго, умершаго; оно было живо, и философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея покатиалась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразили церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и

оглохлыя; однако, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. «Чего бояться?» думалъ онъ между тѣмъ самъ про себя: «вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побойтся Божьяго Слова. Пусть лежитъ! Да и что я за казакъ, когда бы устранился? Ну, выпилъ лишнее — оттого и показывается страшно! А понюхать табаку. Эхъ, добрый табакъ! славный табакъ! хорошій табакъ!» Однакоже, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чувство, казалось, шептало ему: «Вотъ, вотъ встанетъ! вотъ подыметъ, вотъ выглянетъ изъ гроба!»

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потокъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни, но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: «Что если подыметъ, если встанетъ она?»

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо! Даже сверчокъ не отозвался въ углу. Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ.

„Ну если подыметъ?“
Она приподняла голову...

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она точно уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ

на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ бы желая поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ очертилъ онъ около себя кругъ; съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдѣмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духа взглянуть на нее; она была страшна. Она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ, — что выразило ея задрожавшее лицо, — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столбъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ, остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ прійти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ, гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченного, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на серединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся изъ него синій, позеленѣвшій. Но въ то время послышался отдаленный крикъ пѣтуха: трупъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушымъ крикомъ, онъ до читывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячокъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

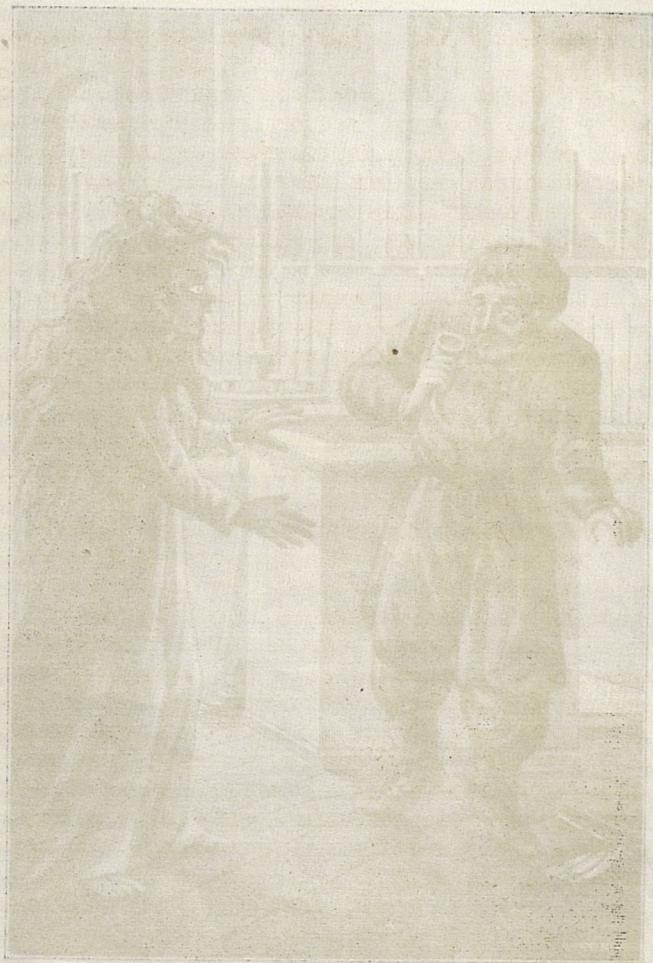
Пришедши на отдаленный ночлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла, и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали, для подкрѣпленія силъ, кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія, и сѣлъ почти одинъ довольно большого поросенка; но однакоже о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшился говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: «Да, были всякія чудеса». Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно слад-

кими глазами и непрерывно поплеывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали, одна смазливая молодкахватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощупать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свиного пастуха, тщедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ вскочивши на нее, всегда говорилъ: «Экой здоровый быкъ!» У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолондѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ души смѣялась какому-нибудь остроумному словцу погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распростиравшеюся по небу.

— А ну, пора намъ, панъ бурсакъ! сказалъ ему знакомый сѣдой казакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ: — пойдемъ на работу.

Хому опять, такимъ же самымъ образомъ отвели

въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала снова вѣдраться въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

«Что жъ?» произнесъ онъ, «теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да, оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже и не страшно; оно уже и совсѣмъ не страшно».

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшась не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и, прежде нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердцѣ у него захолонуло.

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ на него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся, и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклѣтья и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трупъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло всхлипывали они, какъ клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не могъ бы сказать онъ, но что-то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхъ понялъ, что она творила заклинанія.

Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ, и слышался шумъ, какъ бы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы; какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу, и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце: зажмуривъ глаза, все читалъ онъ заклѣтья и молитвы. Наконецъ, вдругъ что-то засвистало вдали: это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить его нашли его едва жива; онъ оперся спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ казаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ свои волосы и сказалъ: «Много на свѣтѣ всякой дряни водится! а страхи такіе случаются, ну...» При этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ него потупили голову, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почитала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню, или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще несовсѣмъ пожилая бабенка, въ обтянутой плотно запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришиллить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздичку, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

— Здравствуй, Хома! сказала она, увидѣвъ фило-

софа. — Ай, ай, ай! что это съ тобою? вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, глупая баба?

— Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!

— Эге, ге! Да она правду говоритъ! произнесъ Спиридь, всматриваясь въ него пристально: — Ты точно посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ!

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, опачканный мухами, треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшія назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его точно побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Бруть и предался размышленію. «Пойду къ пану», сказалъ онъ, наконецъ: «разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ».

Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтилицѣ. Та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ и донынѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или, можетъ быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

— Здравствуй, небѣже! произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей. — Что, какъ идетъ у тебя? все благополучно?

— Благополучно-то, благополучно; такая чертов-

щина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай, куда ноги несутъ.

— Какъ такъ?

— Да ваша, панъ, дочка... по здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду, въ томъ никто не станетъ прекословить: только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу...

— Чтò же дочка?

— Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается.

— Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя: она заботилась, голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе.

— Власть ваша, панъ, ей Богу, не въ моготу!

— Читай, читай! продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ: тебѣ одна ночь теперь осталась, ты сдѣлаешь христіанское дѣло, и я награжу тебя.

— Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочешь, панъ, а я не буду читать! произнесъ Хома рѣшительно.

— Слушай, философъ! сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ: я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ своей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ли ты, чтò такое хорошіе кожаные канчуки?

— Какъ не знать, сказалъ философъ, понизивъ голосъ: — всякому извѣстно, чтò такое кожаные канчуки: при большомъ количествѣ — вещь нестерпимая.

— Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ парить! сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необу-

зданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. — У меня прежде выпарять, потомъ sprysнутъ горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправишь — не встанешь, а исправишь — тысяча червонныхъ!

«Ого, го! да это хватъ!» подумалъ философъ, выходя: «съ этимъ нечего шутить. Стой, стой, пріятель: я такъ наострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною».

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часа, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и, открывши ротъ, испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику.

Это время, наконецъ, настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и, стало-быть, чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмель покрывалъ, какъ будто сѣтью, вершину всего этого пестраго собранія деревъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями, вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытство-

валъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы вдребезги, если бы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одревѣвшихъ толстыхъ стеблей его.

Когда философъ хотѣлъ перешагнуть чрезъ плетень, зубы его стучали и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой-то голосъ: «Куда, куда?» Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и, пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо къ Києвъ. Поле онъ пробѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлыны, куски своего сертука на каждомъ остромъ шипѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Вѣрба съ раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую. «Добрая вода!» сказалъ онъ, утирая губы: «тутъ бы можно отдохнуть».

— Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!

Эти слова раздались у него надъ ушами. Онъ оглянулся — передъ нимъ стоялъ Явтухъ.

«Чортовъ Явтухъ!» подумалъ въ сердцахъ про себя философъ: «я бы взялъ тебя да за ноги... и

мерзкую рожу твою, и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ!»

— Напрасно далъ ты такой крюкъ, продолжалъ Явтухъ: гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по которой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сертука жалъ! а сукно хорошее. Почему платилъ за аршинъ? Однакожь, погуляли довольно: пора и домой.

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ. «Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу!» подумалъ онъ. «Да, впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ».

Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, который, посредствомъ протекціи ключника, имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ что философъ, вдругъ поднявшись на ноги, закричалъ: «Музыкантовъ! непременно музыкантовъ!» и, не дождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать тропака. Онъ танцевалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ плюнула и пошла прочь, сказавши: «Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!» Наконецъ философъ тутъ же легъ спать; и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое казакъ, и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

— Пора, сказалъ Явтухъ, — пойдемъ.

«Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ!» подумалъ философъ и, вставъ на ноги, сказалъ: «Пойдемъ!»

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ съ своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки были вдали цѣлою стаей, и самый лай собачій былъ какъ-то страшень.

— Кажется, какъ будто что-то другое воетъ: это не волкъ, сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ попрежнему удалились, и философъ остался одинъ.

Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. По срединѣ все такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы. «Не побоюсь, ей Богу не побоюсь!» сказалъ онъ, и, очертивши попрежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная, свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его; чтеніе пошло впередъ, и листы мелькали одинъ за другимъ.

Вдругъ... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба и поднялся мертвецъ. Еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы

его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задергались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петель, и несмѣтная сила чудовищъ, влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмеля. Онъ только крестился, да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ него, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднимая немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячею протянутыхъ изъ середины клещей и скорпионныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клочками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ. «Приведите Вія! ступайте за Віемъ!» раздались слова мертвеца.

И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его засыпанныя землею ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинные

вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣки: не вижу! сказалъ подземнымъ голосомъ Вій, — и все сомнище кинулось подымать его вѣки.

«Не гляди!» шепнулъ какой-то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ.

— Вотъ онъ! закричалъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ, и всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть; не тутъ-то было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ.

Вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленья Божьей святыни и не посмѣлъ служить паннихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ навѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева, и богословъ Халява услышалъ наконецъ о такой участи философа Хома, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ, въ продолженіе того времени, произошли большія перемѣны. Счастье ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ, его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

— Ты слышалъ, что случилось съ Хомою? сказалъ, подошедши къ нему, Тиберій Горобецъ, который въ то время былъ уже философъ и носилъ свѣжіе усы.

— Такъ ему Богъ далъ, сказалъ звонарь Халява. — Пойдемъ въ шинокъ да помянемъ его душу.

Молодой философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сертукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

— Славный былъ человѣкъ Хома! сказалъ звонарь, когда хромой шинкаръ поставилъ передъ нимъ третью кружку; — знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что!

— А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ — вѣдьмы.

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но, замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ. При чемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

— Ты слышишь, что случилось со Златою? —
а недоверчиво к нему. Тобой Тобой, кото-
ра то была была уже вдова и носила сына

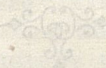
Там она была была вдова Златою.
Там же была да поманила его Златою.

Одной вдовы, которая с вдовой сдружилась
и познакомилась с вдовой вдовой, так что на-
в и вдовы, и сдружилась, и даже была сдружилась
сдружилась и вдовы вдовы, на те же
и вдовы вдовы.

Златою была вдова Златою, вдова вдова.
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова

и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова

и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова
и вдова вдова вдова вдова вдова вдова вдова

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати
слѣдующія сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ.

ВЪ НАРОДНОМЪ ИЗДАНІИ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. В. ДУМНОВА,

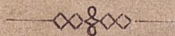
ПОДЪ ФИРМОЮ

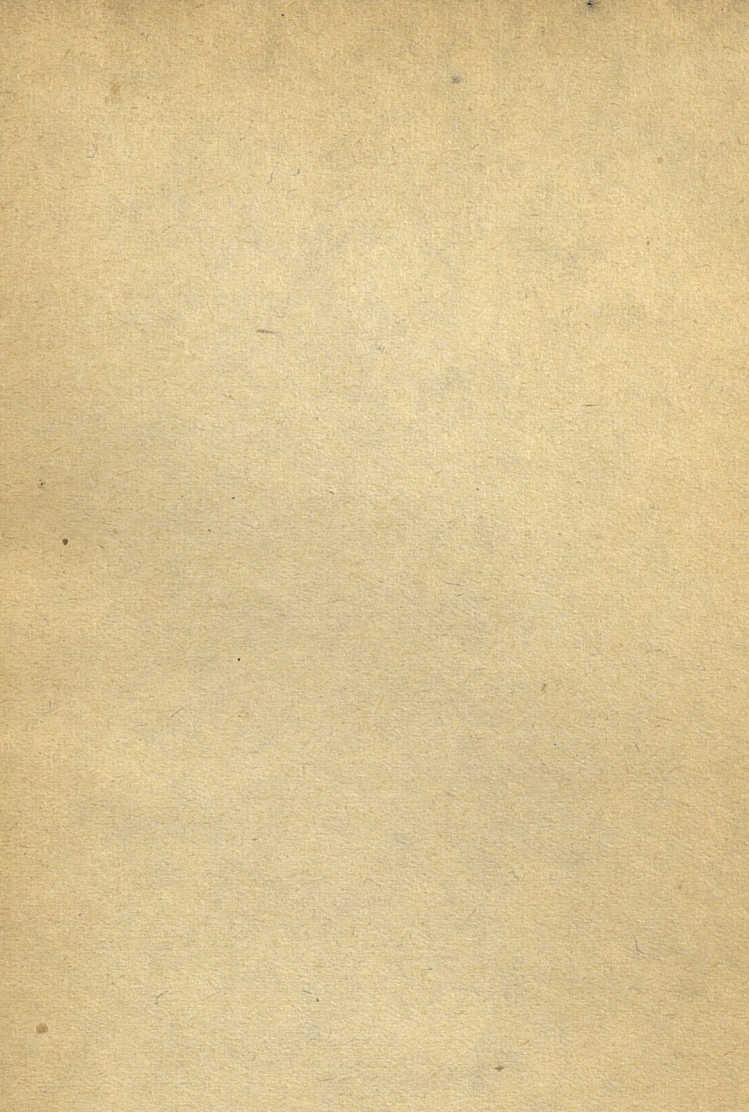
НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ,

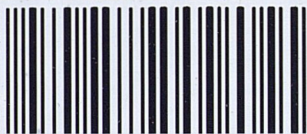
ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, противъ Златоустинскаго пер., домъ Обидиной:

1. Ночь.
2. Сорочинская ярмарка.
3. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.
4. Майская ночь или утопленица.
5. Пропавшая грамота.
6. Ночь предъ Рождествомъ.
7. Коляска.
8. Тарасъ Бульба.
9. Страшная месть.
10. Шинель.
11. Женильба, совершенно невѣроятное
событіе.
12. Заколдованное мѣсто.

2007085181